

Загитов Азамат

Вероника

16+

Азамат Загитов

Вероника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36311128

SelfPub; 2018

Аннотация

Любовь бывает лишь однажды, и лишь мы сами в плену собственных страхов упускаем чувство. История девушки, которая не позволяет себе быть счастливой, боится быть обузой, возможно, убедит вас, что можно быть смелее.

Я бегу.

Бегу со всех ног.

Бегу, как никогда.

Вокруг меня темный лес. Тихий и спокойный. Надо мной светит яркая полная Луна, слегка подернутая полупрозрачными облаками. Я не слышу звуков, кроме своего дыхания. Мои ноги словно проваливаются в мягкий и податливый туман, поглощающий звуки. Лишь мое дыхание, учащенное, уже с легкой хрипотцой, напоминающей о конечном резерве сил, в отличие от тех, кто идет по моим следам. Они идут; ведь будь у них желание расправиться со мной немедленно, мой бег был бы бесполезен. Для них это лишь игра, и они наслаждаются ею. Станным образом я чувствую это. И я лишь могу подыграть им, и бежать как можно быстрее. Они близко, но не смеют нападать. Они ждут.

Я знаю, что мне нет спасенья. Скоро игра им наскучит, но сдаться я не в силах. В моей голове проносится воспоминание; олень лежащей на земле, раненый, и в окружении волков. Он был истерзан, и было ясно, что смерть его неизбежна. Но он старался изо всех сил. До самого конца, пока он был жив, он пытался вырваться из лап смерти, несмотря на то, что от него уже отрывали куски мяса. Странно. Наше тело всегда так хочет жизни. И борется всегда, даже когда нет и тени надежды. И сейчас, разумом понимая, что нет более ничего, способного спасти меня, и мне стоит остановиться и принять свою смерть, я бегу, что бы выгадать себе ещё пару

мгновений жизни.

Внезапно, что-то изменилось. Появился звук. Он тихо вполз в пелену моей глухоты, нарушаемой лишь моим дыханием, словно змей сквозь прутья решетки. Тихое, едва слышимое касание ног моих преследователей. Как шепот, как шелест листьев. Полу призрачный звук, никогда не слышимый нами, но сейчас обретший плоть, и твердо напомнивший о себе. Подтверждение моей близкой кончины. От этого звука, меня бросило в дрожь. Холодный пот прошел по спине, но было место и удивлению. Странно было замечать за собой такие изменения. Словно, в поезде, с каждой новой станцией, ты удивлялся бы тому, куда ты едешь. **НО ТЫ ВЕДЬ ЗНАЛ, КУДЫ ТЫ ПОКУПАЛ БИЛЕТ.** Ведь не может быть иначе.

Я бегу.

Бегу как ветер.

Бегу, не чувствуя ног.

Луна светит ярко, но этого недостаточно для освещения моего пути. Я не вижу ничего под ногами. И во всей этой ситуации, забавляет меня то, что я до сих пор на ногах. Здесь нет ни тропы, ни достаточного просвета между деревьями. Я все время петляю. Ни разу моя нога не встретила кочки или коряги, торчащей из земли. Я словно бегу по широкой и удобной дороге. Мне кажется, что лес ведет меня. Подсказывает тропы, собирает свои корни. Глупости, и не об этом бы мне сейчас думать, но мы так редко поступаем правильно,

и так бессильны перед своими мыслями. Лес враждебен ко мне, это точно. Но моих преследователей он ненавидит.

Скоро, совсем скоро. Я даю себе надежду. Мой Алтарь – мое спасение. Самообман, да и только. Я понимаю, что это ИХ не остановит. Мой Алтарь. Воспоминания пробуждаются во мне. Каждый день, я ворочаю огромные камни, белые от соли, с берега реки на самый верх холма. И сейчас, я не понимаю, почему эта река была соленой. Не понимаю, я и откуда она текла. Единственное, что я понимаю, что у меня была цель. Создать нечто, нечто Живое. Вложить и оставить часть себя.

И вновь что-то новое. Словно прокатилась волна, после чего всё меняет свои очертания. Теперь я их чувствую. Будто я, покинув своё тело, теперь вижу их. Понимаю где они. Они вокруг меня. Пара неясных теней по бокам, огибают меня, чтобы выйти мне навстречу. Я вижу эти призрачные фигуры, и лишь их огромные острые зубы, что скоро вопьются в мое тело, имеют плоть. Их тело густой туман с фиолетовым оттенком. Их единственная цель уничтожение живого, и их невозможно остановить. Слабый голос в моей голове, призывающий остановиться, упасть и зарыдать, становится сильнее. С каждым их шагом, мне становится труднее ему сопротивляться.

Но я бегу.

Бегу в последний раз.

Бегу ради мига жизни.

Пронзительный жуткий вой проносится по лесу. Им наскучило. Моё сердце замирает, делает остановку, и начинает колотиться в два раза сильнее, чувствуя скорую гибель. Словно хочет наверстать все те удары, что не сможет уже сделать. Казалось быстрее бежать уже невозможно, но я ускоряюсь. Мои легкие разрывает от каждого вздоха, ноги превратились в раскаленные свинцовые стержни, но в моих мыслях полная ясность.

В этот момент, я понимаю, что у меня есть время подумывать о том, чему раньше не уделялось много внимания. Мысли мои абсолютно в другом месте, так словно я сижу в удобном кресле у жаркого камина, а за окном бушующая метель, и вся долгая ночь принадлежит лишь тебе и твоим мыслям. Я думаю о природе. О её невероятной красоте и жестокости. О том, как всё вокруг беспрекословно подчиняется давно прописанным и выверенным законам. Как эти самые законы способны меняться и утверждаться, лишь, когда это действительно необходимо. Что всё здесь имеет свою цену, и главный вопрос в том, готов ли ты её заплатить. И как твоя готовность, исходит из самого бытия, определяющего цену.

Я спотыкаюсь, и кубарем падаю наземь.

И до того, как я касаюсь земли, я вижу. Но вижу не преследователей, а то, что за ними. Глаза смерти. Те, что смотрят на нас с самого нашего рождения, смотрят неустанно, смотрят не моргая. Буравят наш затылок, пока мы работаем, едим, занимаемся любовью. Они глядят на нас из глаз дру-

гих людей, из зеркала, когда мы встречаемся с собой взглядами, из старых картин, из пыльных книг, из заброшенных помещений. Бездонные, настолько черные, что этот темный лес, покажется полным ярких красок. И новое чувство появляется во мне.

Я понимаю оленя, что брыкался до конца. Ни одно живое существо не хочет заглядывать в эти жуткие глаза, и каждый будет бороться изо всех сил, дабы оттянуть этот момент, когда придется в них заглянуть. Когда эти глаза унесут тебя в абсолютное небытие.

Я падаю, но не чувствую боли. Лишь последние силы покинули меня. Я уже не могу встать. И теперь я вижу их не чутьем, а собственными глазами. Уродливые фиолетовые тени похожие на волков. Намного крупнее и отвратительнее. С белоснежных зуб капает желтоватая слюна. Они обступают меня. Пять или шесть теней, медленно подходят ко мне, не торопясь, смакуя скорую пищу. С каждым их шагом вокруг начинает темнеть, словно эти твари выпивают весь свет, хотя возможно, так оно и есть. Когда им остаётся сделать пару шагов, они прыгают. Разом. Острые зубы впиваются в мои руки, ноги, тело. Боль застилает моё сознание. Меня начинает окутывать тьма, боль становится нестерпимой, и на этом фоне явственно чувствуются два темных пятна, что неустанно всматривались в меня, и сейчас и мне предстоит всмотреться в них.

Я кричу.

Я просыпаюсь в холодном поту. Моё дыхание учащено, и я всеми силами стараюсь успокоиться. Кошмары, мучающие меня с детства, повторяющиеся раз за разом, всё никак не могли закончиться. Главное, чтоб я не кричала во сне, а не то разбуджу маму, и тогда мне точно будет чего бояться кроме монстров во сне. Чувствуя, что моё тело уже подвластно мне, я иду в ванную.

Мама спит, это хорошо. Когда она просыпается из-за меня, у неё вечно дурное настроение. Порою я думаю, она была бы не прочь сдать меня в дурку, или куда ещё. Её можно понять. Немая дочь, орущая только по ночам, боящаяся людей, не получившая должного образования. Не такого она ждала это точно. Иногда, я и сама думаю, что под присмотром специалистов, мне может и будет лучше. Но потом, я вспоминаю жуткие истории о том, что творится в психлечебницах.

Включаю свет, умываюсь. В зеркале отражается бледное лицо с запавшими глазами. Я жутко не высыпаюсь. На вид мне не больше семнадцати, хотя мне скоро двадцать шесть. Всё из-за худобы, маленького роста и задержки в развитии. Моё детство было сущим адом. Хотя с тех пор ничего и не изменилось. Может только то, что теперь меня не обзывают во дворе.

Я вернулась в комнату, и поняла, что больше спать я не смогу. Я села на кровать и стала смотреть в окно. Я бы предпочла порисовать или почитать книгу, но для этого нужен

свет. А я боюсь, мама это заметит и вновь будет меня ругать, за то, что я не сплю ночами. Поэтому я просто буду смотреть в окно. Жили мы довольно высоко. На пятнадцатом этаже, так что вид открывался неплохой. Стройные ряды одинаковых многоэтажек, вдалеке дома поменьше. Неподалеку от нас был небольшой сквер, с фонтанчиком посередине, но отсюда его было не видно даже днем, не то, что ночью.

Полная луна, слегка подернутая облаками, напомнила мне о моем сне. Я невольно поежилась. Всё-таки взяла книгу и включила лампу. Когда с тобой никто не может, да и не хочет говорить, книга становится лучшим собеседником. Общаешься с автором сквозь время и расстояния. Все мои полки были забиты различными книгами, от дешевых ужастиков до теологических измышлений. Я читала всё подряд. Всегда и везде. Благо, моя работа это позволяла. Читая строчки, написанные совершенно незнакомым человеком, можно было не только познакомиться с ним, но и узнать себя получше.

«Ложись спать» – услышала я из соседней комнаты. Ну вот. Я закрыла книгу, выключила свет, и вернулась к окну. Наблюдая за медленным движением облаков, редкими машинами, проезжающими по дороге, светом из окон соседних домов, я погрузилась в свои мысли.

Я часто думала о том, что жизнь довольно несправедлива. Что вокруг много страдания и боли. Больше всего всё же меня беспокоили не сами страдания, сколько их бесполезность.

Я никогда не оспаривала тот факт, что для того что бы стать лучшим, ты должен переносить тягости и лишения. Более того ты должен отдавать все свои силы, на совершенствование себя. Но вокруг нас куча страданий, абсолютно лишенных смысла. Смертельно больные дети, жертвы войн, мученики режима. И даже если мы просто не видим в них смысл, то мы, следовательно, не можем и понять цели, ради которой их терпим. А в таком случае, мы похожи на пластиковых солдатиков, которыми играет мальчик – непоседа. Расставляя их по воображаемому полю боя, и передвигая их в независимости от их желания. Убивая и рая тех, кого захочется лишь ему, в угоду интереса и радости его игры.

Пропуская эти мысли через себя, раз за разом, и вновь по кругу, я не могла найти ни одного логического объяснения происходящему. Незаметно для меня самой, я вспомнила, как однажды мы сидели с Димой на крыше, и пускали бумажные самолетики. Почему это всплыло именно сейчас, я не понимала, так же, как и не понимала, почему это плавно, но твердо вытеснило всё остальное. Было приятно думать об этом, и я не стала противиться.

Мне снова одиннадцать, я сижу на крыше нашей двадцатиэтажки. В моих руках блокнот и карандаш. Я уже нема. Наше общение немного затруднено этим. Он говорит много и очень заумно для маленького мальчика. Долгая пауза, пока я пишу ответ, он читает. И вновь говорит. Не помню, о чем

именно мы говорили, вроде что-то о цветах и пчелах, затем о путешествиях и море. Мне было приятно просто сидеть и слушать его. Так к этому мы и пришли. Я закрыла блокнот и слушаю его. Он говорит о несовершенстве мира, о жутких вещах, о том, как он всё изменит, когда вырастет. И я ему верю. Верю, потому что он сам верит каждому слову.

Он складывает самолетик за самолетиком, пуская их в долгий полет. Каждый из них описывает большой круг, медленно спускаясь к земле. Мы смеемся. Мне радостно и легко. Я забываю, что меня не любят остальные дети. Забываю, что отец бросил нас. Забываю, что не могу учиться в нормальной школе. Забываю, всех психологов и неврологов, что выются вокруг меня последние пару лет.

Он очень добрый и смелый. Всегда заступает за меня, когда меня начинают дразнить. Однажды он принес мне тюльпаны, которые сорвал с какой-то клумбы. Я помню, он рассказывал мне что-то забавное. Что-то про бабуку, которая хотела натравить на него собак. Но я не слышу, я вдыхаю слабый аромат весенних цветов, и смотрю на его озорное лицо. Как он с жаром что-то говорит, а я лишь вижу, как он пылает жизнью. Как она льется из него бесконечными потоками радужных волн. Как она наполняет не только его, но и всех вокруг. Как часть этой энергии передается мне.

Там на крыше, я верю ему. Я знаю, что так оно и будет. Он вырастет большим и сильным. Он изменит мир. И не будет в этом мире места для жестокости и бессмысленных жертв.

– Взрослые очень странные. – говорит он, – Они ведь могут обо всем договориться. Быть умнее, у них столько возможностей. Они могут жить, как хотят, но не делают этого. Когда я вырасту, я точно буду другим. Буду всегда вежлив с людьми, буду слушать их. Я постараюсь помочь каждому, чем только смогу. Не хочу, чтобы, хороших девочек обижали и били другие дети.

На этих словах он оборачивается ко мне. На его щеках румянец. Я чувствую, что что-то не так. В его глазах что-то изменилось. Словно он хочет, мне что-то сказать. Что-то, что расстроит меня. Что-то чего боится он сам. Он рывком приближается ко мне, и очень быстро целует в щеку. Тут же отворачивается. Моя щека горит, словно к ней приложили что-то жутко горячее. Но оно не обжигает. Приятный огонь начинает разноситься по всему телу. Думаю, я красная.

Он сидит рядом, но не смотрит на меня. Давно не летают самолетики. Блокнот выпал из моей руки, и лежит рядом. Я хочу сказать ему что-то, спросить. Но я не знаю, что с ним. Румянец на его щеках изменился. Он словно зол на что-то. Надеюсь, не на меня. Я робко трогаю его руку. Он словно вспомнил, что я рядом. У него очень виноватый вид. Он говорит, что будет рядом, что будет меня защищать. Не понимаю, зачем он это говорит. Он ведь и так всё это делает. Но из-за этих слов, произнесенных вслух, во мне просыпается странное чувство. Непонятное, смутное предчувствие предстоящей беды. Он говорит уверенно и четко, как будто чи-

тает по бумажке. Но я ему верю. Здесь на крыше, пока он рядом, я ему верю.

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Я встречаю рассвет. Пора готовиться к рабочему дню. Поставить чайник, приготовить завтрак, прогладить рубашку. Мелочи, из которых складывается наша жизнь. Бывает непросто вырваться из паутины воспоминаний. Не сразу понимаешь, где ты, и что тебе надо делать. Поэтому я даю себе ещё пару минут бесцельного любования раннего утра. Такая тишина в моей голове меня устраивает. Нет никаких мыслей и голосов. Только я и первые лучи Солнца. Там на крыше я верю ему, здесь, сидя на кровати, я не верю ничему.

Цокольный этаж городского суда. Вокруг меня огромные шкафы, доверху забитые толстыми папками, полными различных бумаг. Здесь сухо и очень тихо. Мне нравится думать, что я в библиотеке. Я сажусь за свой стол и начинаю заниматься своей обычной работой. Нумерую документы, подшиваю папки, заполняю картотеку. Работа в судебном архиве не самое интересное занятие, но меня это вполне устраивает. Мои малочисленные коллеги не особо разговорчивы, поэтому моя стопка заготовленных табличек с дежурными фразами, не внушительна.

Из необычного, порою заходят следователи различного рода. От них всегда пахнет табаком и неприятностями. Причем неприятностями в основном для них, чем для окружаю-

щих. Они берут несколько кип бумаг и довольно долго просматривают их, прерываясь на кофе и сигареты. Иногда, с хмурыми лицами подходят ко мне и просят сделать копии некоторых бумаг. Мне нравится наблюдать за ними. Есть в их работе что-то, что привлекает меня. Возможно, я бы даже смогла им помочь, но я знаю, что я никогда не предложу им свою помощь, и они уж точно не попросят её у меня.

Остальные посетители этой странной библиотеки, настолько разношерстны, что не поддаются классификации. За несколько лет работы здесь, я видела практически всех. От шикарных женщин в дорогих платьях до визгливых мелочных мужчин, от убитых горем матерей до аферистов, с бегающими глазками, пытающимися найти лазейку в законе. Но все же посетители были больше редкостью, чем обыденностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.